

Международный круглый стол «Древняя Ольвия»

© 2006 г.

А. С. Русяева

СВЯТИЛИЩЕ АХИЛЛА НА ТЕНДРЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И РЕЛИГИИ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

Система взаимоотношений Ольвии с периферийными святилищами, особенно со святилищами Ахилла на островах Змеиный (Левка) и Тендра (Ахиллов Дром), относится к наименее изученным вопросам ее многовековой истории, хотя отдельные из них в той или иной степени неоднократно затрагивались в научных работах. Исследователей в основном интересовал собственно культ Ахилла в Ольвии и Борисфене, на Бейкушском мысу и его священном острове, о котором сохранилось сравнительно много сведений в античной литературной традиции и где найдены различные материалы, неопровержимо свидетельствующие о том, что там его панэллинское святилище функционировало более тысячелетия¹. По общепринятому мнению, в VI–II вв. до н.э., несмотря на его общеэллинский характер, это святилище находилось под непосредственным покровительством и защитой граждан Ольвии, благодаря которым на острове были сооружены в разное время храмы и регулярно проводились обряды с жертвоприношениями и священными возлияниями².

¹ *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 51–61; *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 40–45, 66–67, 84–86; *Кубланов М.М.* Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества // ЕМИРА. 1957. № 1. С. 222–231; *Лейпунська Н.О.* Про культ Ахілла в Північному Причорномор'ї // Археологія. 1970. № 23. С. 60–73; *Русяева А.С.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев, 1975. С. 175–182; *она же.* Земледельческие культы в Ольвии догетского периода. Киев, 1979. С. 122–140; *она же.* Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 42–48; *она же.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 73–83; *Курбатов А.А.* Ольвийские формы культа Ахилла (К истории полисной идеологии) // Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982. С. 81–87; *Hedreen G.* The Cult of Achilles in the Euxine // *Hesperia*. 1991. 60. P. 313–330; *Охотников С.Б., Островерхов А.С.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 108–116; *Буйских С.Б.* Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу // ANAXARΣIΣ. ХСб. 2001. XI. С. 34–43; *Bravo B.* Luoghi di culto nella chora di Olbia Pontica // *Problemi della chora coloniale dall'occidente al mar Nero*. Taranto, 2001. P. 229–235.

² *Толстой.* Ук. соч. С. 3–45; *Rusyaeva A.S.* The Temple of Achilles on the Island of Leuke in the Black Sea // *ACSS*. 2003. 9. 1–2. P. 1–16; *Русяева А.С.* О храме Ахилла на острове Левка в Понте Эвксинском // ВДИ. 2003. № 1. С. 177–190.

Культ Ахилла и его святилище на значительно ближе расположенной Тендре всесторонне не рассматривались, тем более в контексте истории и религии Ольвии на протяжении всего периода ее существования³. Поэтому до настоящего времени остается еще много нерешенных и спорных вопросов. Большинство из них относится к интерпретации и хронологии литературных сведений и археологических материалов, найденных на Тендре, в сопоставлении с главными этапами исторического развития Ольвийского государства. Важно также выяснение начала мифологизации и связанной с ней сакрализации Тендры и соседних местностей, а также возникновения названия 'Αχιλλέως δρόμος, ставшего общепринятым топонимом. Отсюда со всей очевидностью следуют вопросы о времени первоначального устройства святилища, его структуре и особенностях культа Ахилла, известного предсказания Пифийского Аполлона о конных ристаниях в Ольвии и реальных возможностях их проведения на тендровских песках с дюнами, как и общегреческих спортивных состязаний. Главная проблема заключается и в том, что до сих пор достоверно не установлено, функционировало ли святилище постоянно со времени колонизации Нижнего Побужья, лишь периодически прекращая свое существование, когда вообще какие-либо обряды на Тендре не могли проводиться по тем или иным причинам, или же оно возникло только тогда, когда о нем появились первые сведения в античной литературной традиции. Ведь точно установлено, что в Ольвии неоднократно происходили затяжные экономические кризисы, менялись государственное устройство и внешнеполитические приоритеты, время от времени она теряла свою хору и подвергалась нападениям варваров, около середины I в. до н.э. вообще была полностью разрушена гетами и на какое-то время ее совсем оставили жители, а после возрождения она уже никогда не достигала ни прежних размеров, ни былого расцвета⁴.

Со времени локализации зафиксированных античными авторами географических названий в Северном Причерноморье Ахиллов Дром единодушно отождествляется с Тендрой, расположенной в открытом море к югу от Днепровского лимана и Кинбурнского полуострова. В наше время она представляет собой отделенный от материка небольшим проливом вытянутый с востока на запад в виде узкой ленты со слегка загибающимся к северо-востоку краем песчаный остров длиной 65 км, шириной в северо-западной части в среднем 1,8–2 км и по-

³ Иногда при рассмотрении культа Ахилла в северопонтийском регионе Ахиллов Дром вообще не упоминается. См., например: *Hommel H. Der Gott Achilleus*. Heidelberg, 1980 = *Хоммель Х. Ахилл-бог* // ВДИ. 1981, № 1. С. 53–76; *Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main-Bern-New York, 1983. S. 179–180. Хотя автором настоящей статьи написано сравнительно много о культе Ахилла (прим. 1, 2), но святилище Ахилла на Тендре специально мною еще не исследовалось, только на основании работ И.И. Толстого, А.Н. Зографа, М.М. Кубланова кратко отмечался панэллинский характер его празднеств с агонами на Ахилловом Дроме: *Русяева*. Вопросы развития... С. 180; *она же*. Земледельческие культы... С. 138; *она же*. Идеологические представления... С. 47; *она же*. Религия и культы... С. 70, 76.

⁴ См. библиографию и разные точки зрения о кризисах и основных этапах исторического развития Ольвийского государства: *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: историко-эпиграфическое исследование. М., 1989; *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешико В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989; *Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейтунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999 (далее – Ольвия).

прежнему нередко называется Тендровской косой⁵. В древности, по образным определениям античных авторов, это был «белый берег» (Eurip. Iphig. Taur. 436; Schol. Pind. Nem. D, 79), очень длинный и узкий морской берег (Ps.-Scymn. 820–821), выдающийся в море полуостров в виде узкой *τοίνια* (ленты, косы) (Strabo. VII. 3. 19), или же полуостров в виде плашмя положенного меча (Plin. NH. IV. 83; Pomr. Mela. II. 15)⁶. Очевидно, наиболее достоверные данные о его размерах принадлежат Плинию Старшему, который со ссылкой на Агриппу указал длину в 80 тыс. шагов, что приблизительно составляет 120 км (NH. IV. 83)⁷. По сведениям Страбона (VII. 3. 19), Клавдия Птолемея (Geogr. III. 5. 7–8), анонимного автора Перипла Понта Эвксинского (Аноним. Periopl. 58), длина Тендры, в зависимости от разных измерений и представлений о ней до отделения от материка, колебалась соответственно от 1000 до 1200 стадий⁸.

В античную эпоху Тендра имела, по всей вероятности, несколько иную конфигурацию и по размерам превышала современный остров, так как уровень мирового океана и Черного моря был намного ниже современного⁹. Если интенсивной абразии на протяжении прошедших веков подвергались и в настоящее время подвергаются Ольвия, Березань, многочисленные прибрежные поселения в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье, то расположенная в открытом море песчаная коса разрушалась, естественно, еще больше. А.С. Уваров после посещения Тендры более полутора веков тому назад заметил изменения, происходившие постоянно на ее территории из-за движения песчаных дюн, меняющих ее облик¹⁰. Позже, касаясь этих вопросов, В.В. Латышев также отмечал, что окружающие Днепровский лиман местности могли значительно измениться, поскольку здесь непрерывно происходят естественные процессы, вследствие которых «взаимные отношения и очертания воды и суши меняются, можно сказать, на глазах наблюдателей»¹¹. В таком случае следует согласиться с предположением А.Н. Щеглова о том, что понтийская отмель *Στήθη* («Грудь»), по Полибию (IV. 41), у моряков была вторым топонимом Ахиллова Дрома и что дистальный

⁵ Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 290; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 453 сл.; Назаров В.В. Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины. Киев, 2003. С. 71.

⁶ Но Стефан Византийский уже называет его островом (*Steph. Byz. s.v. Ἀχιλλέως δρόμος*).

⁷ Щеглов А.Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. З. К Polyb. IV. 41 // ВДИ. 1972. № 2. С. 129.

⁸ Поскольку стадий имел разные величины (157,7, 178 и 185 м) даже у Страбона, то точные размеры Тендры в древности установить проблематично: Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1988. С. 153–154 с литературой. По подсчетам А.Н. Щеглова, «длина Ахиллова Бега в координатной системе Птолемея может колебаться в пределах около 100–130 км в зависимости от того, какой стадией пользовался источник географа» (Ук. соч. С. 130).

⁹ О палеогеографических реконструкциях см. подробнее: Щеглов. Ук. соч. С. 129–133 с литературой; Назаров. Ук. соч. С. 19–31.

¹⁰ Эти данные из неизданной IV главы III тома А.С. Уварова «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» приведены И.В. Тункиной (Ук. соч. С. 471).

¹¹ Латышев В.В. Заметки по древней географии северного побережья Черного моря // ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 293–294.

конец косы вместе с частью коренного берега был выдвинут дальше в море, чем теперь¹². Скорее всего, именно в результате, с одной стороны, подмыва береговой полосы и перемещения песчаных дюн (кучугур), а с другой – намыва песка и мелкого ракушечника, особенно после штормов, сохранилось столь мало остатков от святилища Ахилла по сравнению с островом Левка и Бейкушским мысом¹³.

Согласно гипотезе В.В. Назарова, под руководством которого в 1984 г. было проведено сплошное обследование акватории Тендры со стороны моря и Тендровского залива, а также северной оконечности острова до маяка, собранные на берегу сильно окатанные амфорные обломки были выброшены во время штормов¹⁴. Несколько раньше в тендровских песках находили такие же мелкие фрагменты амфор и в редчайших случаях – аттических чернолаковых сосудов¹⁵. В общем по итогам последних разведочных работ считается, что среди археологических материалов преобладали обломки амфор VI в. до н.э. – I в. н.э.¹⁶ Принадлежали ли они святилищу Ахилла при отсутствии на них каких-либо посвящений, достоверно вряд ли можно установить. Тем более что у берегов Тендры неоднократно тонули суда как в античную эпоху, так и в более поздние времена¹⁷. Не обнаружены при разведочных работах и каких-либо votivные предметы, которые тоже могли бы свидетельствовать о разрушенных остатках культового участка. Поэтому, как и раньше, основное значение имеют эпиграфические, нумизматические и археологические материалы, найденные на северной оконечности Тендры еще в 1824 г.¹⁸ Однако все они относятся к сравнительно позднему времени (II в. до н.э. – IV в. н.э.) и, в отличие от ранних, представляют собой уже бесспорное свидетельство о существовании святилища Ахилла, остатки которого будут рассмотрены ниже.

При наличии столь скудной информации об археологических источниках VI–III вв. до н.э. на территории Тендры нелишне вспомнить, что поблизости от нее, на противоположной стороне к северо-востоку, на берегу Ягорлыцкого залива (Кинбурн) в последней четверти VII–VI в. до н.э. находилось греческое поселение ремесленников¹⁹. Основываясь на материалах его раскопок, не вызывает сомнения тот факт, что данный регион был хорошо известен основателям Борисфена, а со второй четверти – середины VI в. до н.э. и

¹² Щеглов. Ук. соч. С. 126–133.

¹³ Охотников, Островерхов. Ук. соч. С. 18–69; Руслева. Земледельческие культуры... С. 127–137; Буйских. Ук. соч. С. 34–43.

¹⁴ Назаров. Ук. соч. С. 72–74, карта XVIII.

¹⁵ См. Тункина. Ук. соч. С. 453–454 с литературой.

¹⁶ Назаров. Ук. соч. С. 73–74.

¹⁷ См. (с литературой): Щеглов. Ук. соч. С. 133; Назаров. Ук. соч. С. 72.

¹⁸ См. (с литературой): IOSPE I². 328–332; Толстой. Ук. соч. С. 56–60; Зограф А.Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черном море // СА. 1941. 7. С. 153–154; Тункина. Ук. соч. С. 453–472, 627–630. Благодаря публикациям И.В. Тункиной архивных данных об этих исследованиях появилась возможность с иных позиций подойти и к рассмотрению святилища Ахилла на Тендре.

¹⁹ См. подробнее с литературой: Островерхов А.С. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII – середина V в. до н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1978. С. 12–17, 23–24; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990. С. 40–41.

Ольвии²⁰. На Ягорлыцком поселении изготавливались разнообразные железные, бронзовые, свинцовые и стеклянные изделия на продажу местному населению лесостепной зоны Скифии²¹. Не отрицая их вывоз в Лесостепь, с племенами которой раньше всех были налажены тесные взаимоотношения²², важно обратить внимание и на то, что из Гилеи, согласно сведениям так называемого «письма жреца», в Ольвию около середины VI в. до н.э. ввозилось большое количество деревьев для строительства, бытовых потребностей, общественных жертвоприношений и кремации; здесь же находились святилища Матери богов, Геракла и Борисфена, алтари которых были разрушены²³.

Поэтому не исключено, что найденные на Ягорлыцком поселении изделия (наконечники стрел, ножи, в том числе и жертвенные, лабрисы, свинцовые амулеты, пряслица, браслеты, серьги, бусы) вполне могли предназначаться для культового инвентаря и votивных приношений в названные выше святилища, а также в святилища Ахилла на Тендре и Гекаты на Кинбурнском мысу, если на самом деле они уже функционировали в это время. Ягорлыцкое поселение было расположено в наиболее защищенном от морских ветров месте, куда для отдыха и торговых операций заходили как проплывавшие мимо корабли из Эгеиды, так и суда из Борисфена и Ольвии. Однако вряд ли березанские или ольвийские ремесленники лишь для сезонных работ перевозили бы сюда из своих жилищ в большом количестве сравнительно редкие для того времени и дорогие расписные восточногреческие кратеры и тонкостенные килики²⁴. Более вероятно, что они получали их на поселении в обмен на свои изделия и продукты питания от греческих торговцев. Так что вопрос о том, для каких конкретно целей

²⁰ Об основании Ольвии на рубеже первой – второй четверти VI в. до н.э. или в начале второй четверти этого столетия накапливается все больше археологических источников. См., например, о последних из них (с литературой): *Русяева А.С.* К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998. № 1. С. 160–170; *Крапивина В.В., Буйских А.В.* Новые находки восточногреческой керамики из Ольвии // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб., 2001. С. 21–29; *Буйских А.В.* О керамических комплексах VI в. до н.э. из Ольвии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 36–42; *Ильина Ю.И.* Ранняя керамика из Ольвии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб., 2004. С. 75–83.

²¹ Ср. *Островецких*. Ук. соч. С. 14–17; *Марченко К.К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 135; *Яйленко В.П.* Архаическая Греция // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 143. В последнее время на Березани впервые открыты остатки медешлавиных мастерских конца VII – первой половины VI в. до н.э.: *Доманский Я.В., Марченко К.К.* Базовая функция раннего Борисфена // BORYSTHENIKA–2004. Материалы Международной науч. конф. к 100-летию начала исследований о Березань Э.Р. фон Штерном. Николаев, 2004. С. 24–28.

²² *Русяева А.С.* Проникновение эллинов на территорию Украинской Лесостепи в архаическое время (К постановке проблемы) // ВДИ. 1999. № 4. С. 84–97 с литературой.

²³ *Rusjaeva A., Vinogradov Ju.* Der «Brief des Priesters» aus Hylaia // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991. S. 200–201; SEG 42, 710; *Русяева*, Религия и культуры... С. 124, 136, 145–146; *Bravo*. Op. cit. P. 255–257. Предложенная Л. Дюбуа датировка этой надписи около 400 г. до н.э. (*Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996. P. 55) не соответствует палеографии и ее нахождению в комплексе с материалами архаического времени. Пoblности от него в настоящее время открыт целый ряд комплексов второй четверти – второй половины VI в. до н.э.; *Крапивина, Буйских*. Ук. соч. С. 21–29; *Буйских*. Ук. соч. С. 36–42.

²⁴ *Рубан В.В.* О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 104–114.

функционировали непродолжительное время сезонные мастерские на побережье Ягорлыцкого залива (только для торговли с племенами Лесостепи и эллинами, снабжения вотивами почитателей божеств и героев или же того и другого вместе) еще требует выяснения и дальнейших изысканий.

Археологическими разведками на песчаных дюнах этого же побережья зафиксированы остатки трех греческих поселений второй половины IV – первой трети III в. до н.э., но их характер не уточняется²⁵. В северной части Кинбурна на берегу Днепровского лимана возникновение первых поселений относится к концу V–IV в. до н.э.; периодически жизнь в этой местности возобновлялась в раннеэллинистический период и в первые века нашей эры²⁶. Кроме того, с начала IV по первую треть III в. до н.э., а затем, после длительного перерыва приблизительно с конца II в. до н.э. по II–III вв. н.э. южная часть Нижнего Поднепровья в значительной степени была заселена эллинами, очевидно, выходцами из сельской округи Ольвии²⁷. В течение более девяти веков с определенными перерывами, характерными для исторического развития ольвийской хоры, этот регион был сравнительно хорошо освоен эллинами и имел важное значение для экономики и культуры Ольвийского государства²⁸. Однако на всей территории Тендры никаких следов поселений или временных жилищно-хозяйственных и производственных комплексов пока не обнаружено²⁹. Если их действительно здесь не было, то этот непригодный для земледелия и простирающийся вдоль моря длинный, но очень узкий песчаный полуостров с часто меняющимися свое положением дюнами в мировоззрении эллинов представлял собой сакральную собственность Ахилла с начала колонизации, как и остров Левка, где никто не имел права строить жилища.

Естественно, ранние находки вследствие абразии и перемещения песчаных слоев на Тендре и Кинбурне крайне незначительны, чтобы полностью увериться в том, что Ягорлыцкое поселение какое-то время сосуществовало с предполагаемым святилищем Ахилла на Тендре. Для выяснения его функционирования в сугубо гипотетическом аспекте можно привлечь лишь косвенные источники. Идеологическое оправдание заселения эллинами определенных местностей греческими героями якобы задолго до колонизации в целом харак-

²⁵ Крыжицкий, Буйских, Отрешко. Ук. соч. С. 73–74.

²⁶ Там же. С. 73–74, 93–95. Рис. 9, 14.

²⁷ Ср. Билкова В.П. Поселения Нижнего Днепра в IV ст. до н.э. – III ст. н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1999. С. 12–16; Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В. Нижнеднепровские городища (К проблеме возникновения и развития) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды децентрализации, катастроф. Керчь, 2005. С. 66–73.

²⁸ Отрешко В.М. К проблеме экономического районирования в архаическую эпоху // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 151–153; Русяева А.С. Ольвия и Гилея (К проблеме полисных владений в архаическое время) // Древнее Причерноморье. Одесса, 1994. С. 95–99.

²⁹ В 1981 г. одесскими подводниками с морского дна глубиной до 2 м в районе юго-восточного участка возле Тендры были вытащены окатанные фрагменты амфор, два обломка чернолаковых сосудов и маловыразительные куски известняка, которые якобы свидетельствуют об остатках античного поселения (Алексеев Р.П. Следы античных поселений у Тендровской косы // Научно-практический семинар «Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников Запорожья». Тез. докл. Запорожье, 1987. С. 15). Однако поскольку эти находки были разбросаны на площади до 20 тыс. м², то о существовании поселения утверждать преждевременно.

терно для многих мифов того времени³⁰. Точно так же и святилища Ахилла имели собственные этиологические мифы относительно основания апоекий и учреждения культов верховных покровителей и защитников. В начальный период колонизации, около середины VII в. до н.э., древнейший из них миф о перенесении Фетидой своего сына Ахилла на остров Левка был зафиксирован в поэме «Эфиопида» Арктина Милетского (EGF. I. P. 34; *Aethiopsis – Procl. Chrest.*). Другой миф тоже был создан целенаправленно после учреждения культа героя для его уппрочения и принадлежности только ему всей территории острова: по просьбе матери Посейдон поднял из морских пучин ничем не запятанный остров, где и поселился Ахилл, которому боги даровали славу в загробной жизни (*Philostr. Heroic. XIX. 16*).

Очевидно, с такой же целью получили распространение и два этиологических мифа, изложенные в сочинениях поздних писателей с их дополнениями и рассуждениями. Основной смысл в обоих мифах, подробно рассмотренных И.И. Толстым, заключался в объяснении топонима Ахиллов Дром³¹. В плане данной статьи наиболее важны вопросы, касающиеся выяснения хронологии и причин мифологизации и сакрализации Тендры. Согласно первому мифу, влюбленный Ахилл долго и безуспешно бежал здесь в погоне за Ифигенией, перенесенной Артемидой в Скифию, вследствие чего тот путь, который он пробежал, получил название *Ἀχιλλῆως δρόμος* (*Schol. Pind. Nem. D 79; Schol. Tzetz. ad Lycophr. 186; Eustath. comment. ad Dion. Perieg. 306; Schol. ad Dionys. Perieg. 306*). Во втором мифе давались более четкие объяснения. При описании Дрома Ахилла Плиний Старший кратко отметил: такое название возникло потому, что Ахилл упражнялся здесь в беге (*NH. IV. 83*). Несколько расширенный вариант мифа принадлежит Помпонию Меле (*II. 15*), указавшему на предание о том, что Ахилл праздновал победу над вражеским флотом в Троянской войне и упражнялся с товарищами в беге на косе, поэтому она была названа Ахилловым Дромом. Аммиан Марцеллин (*XXII. 8. 41*), как бы в добавление к этим сведениям, уточнял, что местные жители называют *gracile litus* Ахилловым Дромом в память о воинских упражнениях, которыми занимался здесь знаменитый фессалийский вождь³².

³⁰ См. (с литературой): Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // *Древности Боспора. М., 1999. С. 147–160; Русяева А.С. Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность // Духовная культура древних обществ. Киев, 1991. С. 96–116; она же. Идеологические представления... С. 41–53; она же. Религия и культуры... С. 5–13.*

³¹ Толстой. Ук. соч. С. 59–66.

³² В наше время Ахиллов Дром трактуется чаще всего как Ахиллов Бег. На основании мифов (погоня героя за Ифигенией и упражнения во время Троянской войны) и двойного значения слова *δρόμος* И.И. Толстой предложил разные варианты: соответственно «Бег Ахилла» и «Ристалище Ахилла» (Ук. соч. С. 55–67). В.В. Назаров предпочитал название «Ахиллов путь», так как длинная узкая коса отождествлялась с расстоянием, которое преодолел Ахилл в погоне за Ифигенией, в чем следует подраствать результат, а не процесс бега (Ук. соч. С. 72). Его точка зрения в наибольшей степени подтверждается сведениями Страбона (*VII. 3. 19*) и особенно анонимного схолиаста: «Длинный пустынный дром (путь) будет назван именем жениха, т.е. Ахилла, в той местности, которую он пробежал бегом» (*Schol. Tzetz. Lycophr. 186*), а также природными очертаниями длинной косы, тянущейся вдоль моря в виде уходящей вдаль дороги. Исходя из многозначности слова *δρόμος* целесообразно применять название «Ахиллов Дром» или «Дром Ахилла».

Поскольку большинство греческих топонимов в Причерноморье относится ко времени греческой колонизации, то вполне вероятно, что тающий опасность для мореплавателей малозаметный полуостров, расположенный вдоль морского пути, тогда же и получил свое название, и оно неизменно оставалось таковым в античную эпоху. Именно в ранний период освоения эллинами Северо-Западного Причерноморья Ахиллу присваивается особое культовое имя Владыка, указывающее не только на его обоготворение, но и на возвеличивание его роли в колонизационных мероприятиях ионийских переселенцев. В сохранившейся строке стиха лесбосского поэта Алкея конца VII – начала VI в. до н.э., когда в данном регионе появились первые поселения, Ахилл уже воспевался как «Владыка скифской земли» (Alcaeus. Fr. 14 D), под которой вряд ли подразумевался лишь остров Левка. Согласно У. Виламовицу-Меллендорфу и поддержавшему его Х. Хоммелю, Ахилл возвысился до бога, если он царит над Скифией, и милетцы, сделав его Владыкой этой страны, почитали его как бога³³. Осведомленность Алкея о почитании Ахилла на Левке и в Борисфене, а также о топониме Ахиллов Дром неизвестна, но нельзя окончательно отрицать, что он опирался на достоверные сведения, почерпнутые из рассказов ионийских мореходов. Такие знания возможны, если поэт исполнял свой гимн в честь Ахилла у его кургана на Сигейском мысу, где перед отплытием в Понт Эвксинский или после возвращения оттуда могли останавливаться корабли. Если это так, то на рубеже VII–VI вв. топоним Ахиллов Дром знали хотя бы милетские мореходы и колонисты по причине тех опасностей, которые таила в себе пустынная низкая коса, что хронологически совпадает с культом Ахилла на Левке. Таким образом объяснялось и утверждалось право Ахилла на священные земли, подаренные ему эллинами в период колонизации для вечного владения. До конца античной эпохи он считался их сакральным владыкой, прославив своим именем и культом незнакомым средиземноморским эллинам северные уголки земли в Понте Эвксинском.

Как бы то ни было, следует учитывать, что первые достоверные упоминания Ахиллова Дрома принадлежат все-таки Геродоту (IV. 55, 76). Причем он указан им дважды, но ни в одном случае историк не объясняет происхождение такого названия. При описании шестой реки Скифии Гипакирис Геродот уточнил, что направо от нее расположена Гилея и так называемый «Ахиллов Дром» (τοῦ Ἀχιλλῆϊον δρόμον καλεόμενον) (Herod. IV. 55). В другом пассаже о возвращении Анахарсиса он сообщает, что уже так называемая Гилея находится рядом с Ахилловым Дромом (Herod. IV. 76). Различие в приведенных сведениях заключается в более четком указании на их близкое расположение, что впоследствии способствовало точной локализации. В общем сведения Геродота относятся приблизительно ко второй трети V в. до н.э. Если же он и об этих местностях использовал сведения Гекатея Милетского, то фиксация Ахиллова Дрома в античной литературной традиции восходит к рубежу VI–V вв. до н.э. Тем не менее очень странно, что Геродот, отметив святилище Деметры на мысу Гипполая (IV. 53), расположенном почти напротив оконечности Тендры, не упомянул ни о святилище Ахилла, ни о его почитании³⁴. Значит ли это, что в это время Тендра

³³ Хоммель. Ук. соч. С. 63.

³⁴ Тем не менее М.И. Ростовцев считал, что Геродотово упоминание Ахиллова Бега «говорит только о первых зародышах культа, но ничего – о его характере и об отношении к нему Ольвии» (Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. 1918. 65. С. 189).

еще не связывалась с его культом и сакральный участок для него на мысу не был выделен?

С одной стороны, исходя из того, что Геродотом вообще не отмечено и много других сведений, касающихся жизни эллинов в понтийских полисах и о почитаемых ими божествах и обожествленных героях, в том числе даже об Ахилле как владыке светлосияющего острова на Понте Эвксинском (Pind. Nem. IV. 49), это как будто и не столь существенно при рассмотрении святилища на Тендре. Но, с другой стороны, в данном аспекте важно отметить ситуацию, сложившуюся в Ольвийском полисе в V в. до н.э. Если во времена Гекатея Милетского на Кинбурне (западной части Гилеи) продолжалась деятельность нижнебугских эллинов на ранее основанных поселениях, то около 460–430 гг., когда приблизительно Геродот писал о Скифии, они прекратили свое существование, как и вся большая, особенно «дальняя» хора Ольвии³⁵. Отсутствие археологических материалов второй–третьей четвертей V в. до н.э. на ранее хорошо освоенных Кинбурне и мысу Гипполая, как самых ближних к Тендре, дает основание для предположения, что в целях безопасности здешние эллины не посещали эти местности и не проводили религиозные обряды в святилищах. Возможно, в связи с первичным захватом обширных территорий новой ордой скифских кочевников и образованием Причерноморской Скифии почитание всех божеств было сосредоточено в городе. Как раз к этому времени относится наибольшее количество маркировочных граффити с именем Матери богов в Западном теменосе, изображение Геракла на первых ольвийских серебряных статерах, а также посвящение Ахиллу в Западном теменосе³⁶.

Постепенное расширение территориальных владений Ольвийского полиса вновь происходит в последней трети V – первой половине III в. до н.э., особенно в раннеэллинистическое время после осады города Зопирионом в 331 г. до н.э., когда он достиг наивысшего экономического и культурного расцвета, чему в немалой степени способствовали мирные отношения с номадами и всесторонние контакты со многими городами Средиземноморья и Причерноморья. В значительно большей степени были освоены выходцами из Ольвии земли к востоку от Гипаниса – в Нижнем Поднепровье, а заодно и на Кинбурне³⁷. Несмотря на это по-прежнему достоверных письменных свидетельств или каких-либо эпиграфических и археологических источников о святилище Ахилла на Тендре не имеется. Более того, после «Истории» Геродота вплоть до периегесы Псевдо-Скимна (820–821) около рубежа II–I вв. до н.э. не зафиксировано ни одного прямого упоминания топонима «Ахиллов Дром».

В античной литературной традиции сохранились лишь два надежных, но сравнительно поздних свидетельства о святилище Ахилла на Тендре. Более раннее из них принадлежит Страбону: «За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку – морской путь к мысу Ахиллова Дрома, месту без растительности, но так называемому рощей, святилищу Ахилла. Затем – Ахиллов Дром, вы-

³⁵ Относительно этого феномена в историческом развитии Ольвийского полиса высказаны разнообразные точки зрения. См. (с литературой): *Виноградов*. Ук. соч. С. 83–90; *Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко*. Ук. соч. С. 22, 94–95; *Ольвия*. С. 93–97.

³⁶ *Русяева*. Земледельческие культы... С. 133; *она же*. Религия и культы... С. 144.

³⁷ См. (с литературой): *Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко*. Ук. соч. С. 96–103; *Крыжицкий, Буйских, Отрешко*. Ук. соч. С. 68–76; *Былова В.П.* До питання про східну межу сільської округи Ольвії в пізньокласичний – ранньоелліністичний період // *Археологія*. 1994. № 3. С. 19–32; *Ольвия*. С. 112–119.

дающийся в море полуостров; это – узкая коса длиной около 1000 стадий к востоку... Почва на нем песчаная, вода колодезная» (Strabo. VII. 3. 19 = SC. I. P. 122). Во II в. н.э. Клавдий Птолемей отметил координаты расположения западного мыса Ахиллова Дрома, который назван им Священным мысом (Geogr. III. 5. 7–8). Согласно сведениям этих авторов, святилище находилось на мысе, т.е. в западной части Тендры, оконечность которой была повернута в северо-восточном направлении. За мысом тянулся длинный узкий песчаный полуостров Ахиллов Дром. Следует учитывать, что данные Страбона вряд ли синхронны созданию его труда, совпадающего с тем периодом, когда Ольвия после разрушения гетами около середины I в. до н.э. была оставлена жителями и начала медленно возрождаться в конце этого века, так и не достигнув былого величия. Скорее всего, они взяты из предшествующих сочинений, одним из которых был «Перипл внутреннего моря» Артемидора Эфесского, относящийся к 104–100 гг. до н.э.³⁸

Видимо, не случайно упоминание Страбоном уже не существовавшей рощи в сочетании со святилищем Ахилла. Оно дает повод предполагать нахождение рощи на мысе в более раннее время. С целью обезопасить плавание при подходе к малозаметной косе эллины могли посадить деревья или же они росли и до их появления. Наличие пресной воды, о которой свидетельствует географ, растущие в разных местах Тендры деревья, кустарники, трава, камыши отмечены всеми, кто побывал здесь на протяжении последних двух веков³⁹. Важно в этой связи и посвящение Ахиллу алтаря совместно с саженцем или шишкой кедра в конце IV–III в. до н.э. (IOSPE I². 327). Помимо различных толкований такого приношения⁴⁰, нельзя исключать, что анонимный адорант, устанавливая скромный известняковый монолитный алтарь, посадил рядом с ним и хвойное растение. Алтарь был найден рыбаками в 1885 г. в воде у соседнего западного берега Кинбурна, где находилась священная роща Гекаты (Ptolem. Geogr. III. 5. 2), в которой якобы почитали и Ахилла. Вместе с тем возможно и то, как резонно предполагала еще Дж. Хирст, что первоначально алтарь стоял в святилище на тендровском мысу, откуда его пытались переправить на Кинбурн или дальше на материк⁴¹. Если это так, то посвящение косвенно подтверждает наличие священной рощи Ахилла на Тендре в IV в. до н.э., служившей и своеобразным опознавательным знаком приближения к суше для мореходов и местных рыбаков. Учитывая сложные природные условия, она могла быть уничтожена ураганами или вырублена и сожжена пиратами, и только память о ней сохранялась в соот-

³⁸ См. (с литературой): *Грацианская*. Ук. соч. С. 31–32, 63–66. В.Д. Блаватский допускает, что сведения Страбона о Дроме Ахилла из-за их четкости восходят к Дионисию Ольвианскому – уроженцу Ольвии, написавшему географическое сочинение приблизительно в конце III–II в. до н.э. о знакомых ему местностях, которое стало известно Посидонию или Артемидору Эфесскому и через посредство одного из них – Страбону (*Блаватский В.Д.* Дионисий Ольвианский // *СА*. 1978. № 3. С. 87). Однако исходя из рассмотренного ученым комментария схолий к «Аргонавтике» Аполлония Родосского следует, что Дионисий называл Ахилловыми дромами протяженные отлогие берега, а не конкретный топоним «Ахиллов Дром» (там же, с. 82, 84).

³⁹ См., например, *Ильвес М.* Тендровская коса. Одесса, 1976. С. 14; *Тункина*. Ук. соч. С. 460, 629–630.

⁴⁰ *Толстой*. Ук. соч. С. 63–64; *Коршунков В.А.* Культ Ахилла в Северном Причерноморье и хвойные растения // *Скифия и Боспор*. Археологические материалы к конф. памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 32–34; *Курбатов*. Ук. соч. С. 86; *Русяева*. Религия и культы... С. 119–120.

⁴¹ *Хирст Дж.* Ольвийские культы // *ИАК*. 1908. 27. С. 136.

ветствующих описаниях и храмовых хрониках. Во всяком случае, сомнительно, чтобы эллины называли рощей святилище на совсем пустынном песчаном мысе.

Однако самое главное заключается в том, что в «Географии» Страбона впервые в античной традиции зафиксировано святилище Ахилла на его Дроме и оно прекрасно подтверждается археологическими материалами, найденными еще в 1824 г. Военные моряки корвета «Язон» под командованием капитан-лейтенанта Н.Д. Критского раскопали невысокую земляную насыпь в северо-восточной части Тендры высотой около 1 м и диаметром приблизительно 17 м, находившаяся в 43–45 м от берега⁴². О ее структуре сохранились крайне противоречивые свидетельства. Н.Д. Критский сообщал, что она образовалась из перегнивших веществ и земли, в которой было немного пепла и углей. И.П. Бларамберг, наоборот, определял этот холмик как кучу пепла⁴³. Вероятно, вследствие того, что здесь открыли погребение какого-то христианина Михаила, академик Е.Е. Кёлер уверенно интерпретировал насыпь как курган, в котором находилась гробница конца IV в. н.э., а погребенный в ней якобы мог быть владельцем большого количества монет, своего рода нумизматом-коллекционером античной эпохи⁴⁴. Именно ввиду понимания насыпи он решительно отклонил сведения Страбона о священной роще Ахилла на Тендре, которая, по его мнению, была на Кинбурне, поскольку найденные барельефы на самом деле принадлежали храму на острове Левка и лишь случайно кем-то были доставлены на косу. Впоследствии В.В. Латышев убедительно доказал, что «роща Ахилла» и «роща Гекаты» – это две разные сакральные местности⁴⁵.

В связи с этим значительно больше внимания заслуживают наблюдения первооткрывателя Тендры Н.Д. Критского, резонно считавшего, что тендровская насыпь – это не погребальный курган, ибо найденные там монеты и другие вещи были разбросаны на всей его площади и на разной глубине⁴⁶. Благодаря просеиванию земли было найдено около 1200 монет из разных городов античного мира, в том числе более 100 серебряных, обломки мраморных рельефов, плит с надписями, черепицы и разнотипных сосудов, на отдельных фрагментах которых отмечены граффити, два каменных обработанных блока и немногочисленные сырцовые кирпичи. Кроме того, сохранились данные о том, что казаки-пограничники случайно вырыли на Тендре в углублении более 0,6 м в песке с ракушками несколько древних монет, фрагменты глиняных сосудов и небольшую каменную статую⁴⁷. Однако ни один из авторов, кто писал в то время об этих открытиях, не отметил, что в насыпи или поблизости от нее лежали хотя бы единичные кости животных.

Опубликованные В.В. Латышевым и И.И. Толстым пять очень плохо сохранившихся надписей с Тендры не вызывают сомнения в том, что они относятся к

⁴² Толстой. Ук. соч. С. 56–59; Тункина. Ук. соч. С. 453–472.

⁴³ Blaramberg J. de. Géographie ancienne: Notice sur la position du Parthénium, et de l'Achilléum de Strabon, considérés comme points de trajet d'une rive du Bosphore Cimmérien à l'autre // Journal d'Odessa. 1828. 18/30, janv. № 5. P. 19.

⁴⁴ Köhler H.K.E. Mémoire sur les îles et les courses consacrées à Achille dans le Pont Euxin // Mémoire de l'Académie impériale des Sciences de St. Péterbourg. St. Péterbourg, 1826. P. 619–627.

⁴⁵ Латышев. Заметки... С. 287–293.

⁴⁶ См. подробнее Тункина. Ук. соч. С. 454–471.

⁴⁷ Там же. С. 454.

посвятительным памятникам Ахиллу, датируемым II в. н.э.⁴⁸ (IOSPE I². 328–332). Интересно, что в одной из них как будто заранее выносилась благодарность герою за спасение на море и за это же, очевидно, моряки в его святилище оставляли благодарственные дары. Хотя обломки мраморных рельефов сильно повреждены, некоторые из них позволяют предположить, что в тендровском святилище стояли изображения самого Ахилла, атлетов, Артемиды с ланью, всадника⁴⁹. Естественно думать, что на косе в то время было найдено значительно больше монет и памятников искусства, но они разошлись среди коллекционеров, как и многие вещи из Ольвии, Борисфена и Левки, а также других античных городов. Сохранившиеся монеты датируются II в. до н.э. – третьей четвертью IV в. н.э., причем более ранние из них единичны⁵⁰. Большинство нумизматических, эпиграфических и археологических материалов относится в общем ко II – первой трети III в. н.э. По мнению А.Н. Зографа, в святилищах Ахилла на Левке и Тендровской косе встречаются монеты из одних и тех же античных центров⁵¹. Однако на острове Левке найдено множество монет и разнообразных материалов VI–III вв. до н.э., которые отсутствовали в тендровской насыпи. А это, в свою очередь, вызывает вопрос: в каком же именно месте находилось древнейшее святилище Ахилла, если, конечно, оно было устроено, как и на Левке, еще в период колонизации. Ведь исходя из вышеотмеченных литературных, нумизматических и археологических источников создается впечатление, что почитание Ахилла в святилище на мысу относится лишь к концу II в. до н.э., однако оно не было регулярным и, очевидно, только во II в. н.э. приобрело более-менее усовершенствованный вид и популярность в среде моряков из разных античных городов Причерноморья и Средиземноморья⁵².

Саму насыпь сразу после раскопок, помимо отмеченного выше ее толкования как кургана, более правильно понимал И.П. Бларамберг. Он считал, что недалеко от этой «кучи пепла» стоял алтарь на открытом воздухе или храм, посвященный Ахиллу⁵³. В последнее время И.В. Тункина представила иную трактовку: святилище по своей конструкции было жертвенным местом (согласно В.Д. Блаватскому – герооном или алтарем) под открытым небом в виде земляного холма, якобы описанного как небольшое сооружение из сырцового кирпича, т.е. оно представляло собой тип простейшего земляного алтаря. Поскольку святилище существовало более 600 лет, то только на протяжении непродолжительного времени эта насыпь была окружена сырцовой оградой. В общем же алтарь должен был иметь определенное архитектурное оформление, ибо найденные здесь каменные блоки и барельефы, возможно, относятся к жертвеннику, украшавшему вершину холма наподобие жертвенника на алтаре Зевса в

⁴⁸ Толстой. Ук. соч. С. 56–59.

⁴⁹ Тункина. Ук. соч. С. 462.

⁵⁰ Зограф. Ук. соч. С. 153–154.

⁵¹ Там же. С. 153–154. К сожалению, П.О. Карышковский обратил внимание лишь на самую позднюю монету с Тендры и не отметил, сколько ольвийских монет и какого времени было найдено в этой насыпи (*Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 130). При этом он неоднократно упоминал ольвийские монеты с Левки, посвятив им отдельную статью (Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // МАСП. 1983. 9. С. 158–173). Только по просьбе И.В. Тункиной им были датированы сохранившиеся монеты из насыпи, которые сейчас имеют важное значение для выяснения ее хронологии (*Тункина.* Ук. соч. С. 464).

⁵² Зограф. Ук. соч. С. 153–154; Тункина. Ук. соч. С. 464–470.

⁵³ Blaramberg. Op. cit. P. 19.

Олимпии⁵⁴. Однако описанный Павсанем (V. 13. 8–11; 14. 1–3) единственный в своем роде пепельный алтарь этого бога по своему устройству, структуре, размерам, назначению и хронологии не имеет ничего общего ни со множеством древнегреческих сакральных зольников, ни с тендровской насыпью, к позднему типу которых она тоже относится. Поскольку в ней в разных местах выявлены все вышеотмеченные фрагментированные находки без следов огня, сюда, как и на другие сходного типа зольники, периодически выбрасывали вышедшие из употребления votivные приношения и зольно-земляной мусор из рядом расположенного святилища, где традиционно стояли алтарь для возлияний и эсхара, на которой, учитывая незначительную часть золы в насыпи, изредка сжигали какие-то приношения⁵⁵. Фасад первого из них, по всей вероятности, был украшен плитами с рельефными изображениями Ахилла и близких к нему мифологических персонажей. Фрагмент рельефа с Артемидой и ланью – это часть композиции, где могла быть представлена и невеста героя Ифигения, спасенная богиней из жертвенного костра в Авлиде и перенесенная ею в Таврику⁵⁶. Разные подношения должны были храниться, в соответствии с эллинской религиозной практикой, в отдельном культовом помещении и лишь через какое-то время, когда они разбивались или теряли свою ценность, выбрасывались в определенные места⁵⁷. Так как в тендровской насыпи обнаружены только незначительные обломки, то в пределах святилища находились ботросы и другие насыпи для захоронения устаревших и разбитых сакральных вещей⁵⁸.

Из-за отсутствия остатков костей животных в зольнике также нельзя считать, что в здешнем святилище не проводились жертвоприношения и не прино-

⁵⁴ Тункина. Ук. соч. С. 462–463.

⁵⁵ Ср. Шеглов. Ук. соч. С. 132; Назаров. Ук. соч. С. 72; Русьева А.С. Давньогрецькі примітивні зольні вівтарі у Північному Причорномор'ї // Археологія. 2005. № 4; она же. Древнегреческие сакральные зольники в Нижнем Побужье // РА. 2006. № 2.

⁵⁶ Очевидно, географическая близость Таврики с пустынной Тендровской косой способствовала тому, что в среде эллинов появился иной миф, согласно которому Ахилл безуспешно гнался по ее пескам за Ифигенией.

⁵⁷ Сходная культовая практика зафиксирована во многих святилищах, составной частью которых были ботросы и так называемые «зольники»: в Западном теменосе Ольвии, в Борисфене и других местностях Нижнего Побужья, а также на Боспоре Киммерийском, в отдельных сакральных зонах Греции. См. (с литературой): Гайдукевич В.Ф. Зольники-эсхары Мирмекия // КСИА. 1965. 103. С. 29–37; Молева Н.С. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002. С. 70–106; Русьева. Древнегреческие сакральные зольники...

⁵⁸ Поскольку насыпь, о которой говорилось выше, не раскапывалась ниже современной поверхности земли, но отдельные находки все же обнаружены моряками в каком-то углублении, то, возможно, под ней находилась большая культовая яма, в которой все еще лежат разнообразные votivные приношения. И.В. Тункина, видимо, права в том, что насыпь не была полностью исследована и требует дальнейшего изучения (Ук. соч. С. 462). Однако не исключено, что ее остатки уже размыты или находятся под водой вследствие местонахождения в прибрежной зоне. Кроме того, следует отметить давно известную сложную ситуацию с перемещением песков (так называемый кучугур) на Тендре, из-за чего постоянно меняется ее ландшафт, неглубокое залегание пресной воды, а также явное уничтожение за многие столетия, прошедшие со времени существования святилища, древней прибрежной полосы на северной оконечности этой косы – все это не дает возможности, по рассказам В.В. Назарова, провести здесь полномасштабные раскопки на современном методическом уровне. Тем более что нет полной уверенности в том, что от святилища Ахилла сохранились еще какие-либо не размытые водой и не уничтоженные людьми остатки.

сили в жертву животных. Посвящение Ахиллу монолитного известнякового алтаря вместе с кедром только в определенной степени указывает на то, что в его культе установился обычай votивных даров в виде саженцев деревьев, плодов или же их терракотовых изображений, как в островном святилище на Левке. Вместе с тем сакральный зольник на Тендре отличается от других в понтийском регионе прежде всего тем, что в нем обнаружено множество монет из разных античных центров. Понятно, что главная причина таких приношений состоит в том, что святилище Ахилла было расположено поблизости от главного морского пути, поэтому мореплаватели останавливались, чтобы поклониться ему с благодарностью и у многих из них были лишь монеты родных государств. К тому же святилище, по всей вероятности, «замыкало особо опасный (в данном случае низкими отмельными берегами, мелями и ветрами) участок плавания», где, обогнув Тендровский мыс, суда могли найти убежище⁵⁹. Нельзя не отметить, что в тендровском зольнике, в Ольвии и на Березани найдены самые поздние в Нижнем Побужье римские монеты императора Валента (364–378 гг.)⁶⁰, на основании которых можно констатировать, что святилище Ахилла на Тендре прекратило свое существование почти одновременно с Ольвией приблизительно в пределах третьей четверти IV в. н.э.

На Тендре и в наше время происходят значительные изменения. Трудно судить, каким на самом деле было святилище Ахилла, на протяжении какого времени оно функционировало и входило ли оно в состав Ольвийского государства. Заслуживает внимания, с одной стороны, мнение М.И. Ростовцева о том, что Ахиллов Дром по сравнению с Левкой играл второстепенную роль, и, с другой стороны, В.Д. Блаватского, считавшего, что упоминания греческих авторов о нем «показывают сравнительно небольшую популярность этого урочища в древности»⁶¹. Вполне вероятно, что только после того, как священный остров Ахилла – Левка в позднеэллинистическое время стал зависимым от города Томиса и доступ туда северопонтийских эллинов был ограничен в силу различных внешнеполитических причин, стало функционировать его святилище на Тендре. Однако культ Ахилла в этой местности, несмотря на древнейшую связь с его именем, так и не достиг среди эллинов такой же популярности и известности, как это было на Левке.

Тем не менее можно уверенно считать, что зафиксированное античной литературной традицией свидетельство о святилище Ахилла подтверждается хотя и незначительными, но не вызывающими сомнения эпиграфическими, нумизматическими и археологическими находками. Особенно важны монеты и письменные свидетельства, которые проясняют тот факт, что культ Ахилла как на Левке, так и на Тендре отправлялся многими эллинами, побывавшими по той или иной причине в северопонтийских городах. По имеющимся данным можно предполагать, что в обоих святилищах были роцци и общие традиции в обрядах. Большое количество монет из разных городов – это не столько свидетельство денежных даров, сколько уплата за покупку жертвенных животных, которых специально разводили и содержали для этих ритуальных актов

⁵⁹ *Щеглов*. Ук. соч. С. 132.

⁶⁰ *Карышковский*. Монеты Ольвии. С. 130.

⁶¹ *Ростовцев*. Ук. соч. С. 187; *Блаватский*. Ук. соч. С. 82.

на Левке⁶² (Paus. III. 19; Arr. Peripl. 32–34; Philostr. Heroic. XIX. 17) и, по-видимому, на Тендре.

Существование храма на Ахилловом Дроме достоверно не установлено, о нем не только нет упоминаний в сочинениях античных авторов, но и не найдено каких-либо строительных остатков, в отличие от зафиксированных Н.Д. Критским в 1823 г. фундаментов храмов на острове Левке⁶³. Тем не менее высказан ряд предположений относительно тендровского храма. Не совсем достоверные и противоречивые архивные сведения обнаружены И.В. Тункиной в письме князя А.С. Меншикова новороссийскому и бессарабскому губернатору графу М.С. Воронцову, в котором сообщалось о том, что капитан Критский, побывав на Тендре второй раз «обнаружил на мысу, напротив Кинбурна, где, по всей видимости, находился храм Ахилла, фундаменты стен и много греческих и понтийских монет»⁶⁴. Однако сам Критский в описании своих археологических открытий на Тендре ни о фундаментах стен, ни о храме вообще не упоминал⁶⁵. Тем не менее, обратив самое пристальное внимание на археологические открытия на Тендре, И.П. Бларамберг все же не исключал существования там алтаря или храма⁶⁶. А.С. Уваров также предполагал наличие храма на относительно более высокой местности на восточной или западной оконечностях Ахиллова Дрома, не подвергавшихся наводнениям⁶⁷. И.И. Толстой, наоборот, доверял только письменным источникам, уверенно полагая, что культ Ахилла отправлялся в отведенной ему роще⁶⁸. По предположению В.Д. Блаватского, раскопки 1824 г. свидетельствуют о том, что святилище представляло собой не храм, а открытый героон или алтарь, посвященный Ахиллу⁶⁹. Позднее было отмечено, что храм Ахилла располагался в западной части Тендры, но его остатки были хищнически раскопаны в середине XIX в.

⁶² Известен рассказ Арриана о том, каким образом происходили жертвоприношения на острове Левкс. Те эллины, которые специально плыли в святилище, везли на кораблях и жертвенных животных. В одних случаях их закалывали на алтаре, а в других отдавали живыми в дар Ахиллу. Вместе с тем, было немало и таких кораблей, которые вследствие неблагоприятных погодных условий или по иным причинам останавливались в островной гавани, а их экипажи за свое спасение приносили благодарственные дары и жертвенных животных, которых покупали в святилище. В связи с тем, что они уже были посвящены Ахиллу и считались его сакральной собственностью, то в соответствии с особым ритуалом, установленным на острове, якобы сам Ахилл как владелец назначал плату за животное и торг с помощью оракула тянулся до тех пор, пока не устанавливалась взаимовыгодная сумма. «Таким образом много серебра посвящено герою в виде платы за жертвы» (Arr. Peripl. 32, 33).

⁶³ См. Русьева. О храме Ахилла... С. 177–190 с литературой.

⁶⁴ Тункина. Ук. соч. С. 454.

⁶⁵ Там же. С. 627–628. По сообщению Н.Д. Критского, «здесь было небольшое строение из земляного нежженого кирпича, ибо не найдено в сей развалине ничего из камня», за исключением двух обработанных плит и совсем небольшого количества обломков черепицы. «Развалиной» он считал раскопанный моряками под его руководством небольшой «курган» или зольно-земляной «холм», который, естественно, нельзя считать остатками храма. Скорее всего, произошла путаница с открытиями Н.Д. Критским, но годом ранее, фундаментами стен на острове Левке.

⁶⁶ Blaraberg. Op. cit. P. 19.

⁶⁷ Тункина. Ук. соч. С. 472.

⁶⁸ Толстой. Ук. соч. С. 59.

⁶⁹ Блаватский. Ук. соч. С. 83.

во время строительства маяка⁷⁰. Современные археологические разведки на Тендре и под водой в ее акватории, как уже отмечалось, пока не дали никаких достоверных данных об остатках храма или алтаря.

В связи с рассмотрением святилища Ахилла на Тендре нельзя не остановиться на таком важном вопросе, как организация ольвиополитами в этой местности панэллинских спортивных и мусических агонов. Хотя они ни в одном из письменных источников не отмечены и никем из древних авторов не упомянуты, считается, что празднества с состязаниями в честь Ахилла проводились здесь на протяжении почти всей античной эпохи. Одним из важных литературных свидетельств, которое прямо используется как исторический источник для утверждения о проведении панэллинских игр на Тендре, является отрывок песни из трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», поставленной в афинском театре в 414/413 г. до н.э.⁷¹ В ней хор эллинов, прислуживавших Ифигении в храме Артемиды в Таврике, выражает удивление тем, как Орест и Пилад после их прибытия сюда за кумиром богини, сумели преодолеть и миновать многие опасные места, в том числе и землю со множеством птиц, белый берег дромов Ахилла с прекрасными стадиями τῶν πολυόρνιθον ἐπ' αἴαν, λευκῶν ἄκτῶν Ἀχιλλῆος δρόμους κολλιστοδίους) на негостеприимном Понте (Eurip. Iphig. Taur. 435–438). Именно эти поэтические строки получили неоднозначную интерпретацию в переводах и научных работах, касающихся агонов в честь Ахилла на Тендре.

Из предложенного В.В. Латышевым свободного перевода без комментариев следует, что хор вопрошает: как эти чужестранцы «миновали неусыпные Финевы берега... в изобилующую птицами землю, на белый берег, прекрасный бег Ахилла на негостеприимном Понте?» (SC. I. P. 345). Однако в переиздании данного отрывка знак вопроса отсутствует, а «бег Ахилла» уверенно интерпретируется в комментарии как топоним «Бег Ахилла» в сопоставлении его с Тендрой⁷². В дальнейшем в исследовании культа Ахилла И.И. Толстой первым обратил самое пристальное внимание на эти стихи Еврипида, разделив их на две части. Первая из них отождествлялась им с Левкой на основании того, что аналогичное выражение Λευκῆ ἄκτῃ в значении «белый утес» в трагедии «Андромаха» (1259–1262) того же автора бесспорно соотносится с этим островом, а последние три слова – с Дромом Ахилла⁷³. Такое толкование он подтверждал и тем, что Еврипид вряд ли смешивал бы «Бег» Ахилла с его «Белым» островом, полагая, что на фоне легенды об упражнениях героя на косе (Pomp. Mela. II. 5) особый смысл имело то выражение, каким драматург характеризовал Ахиллов Дром, определяя его как Ахилловы дромы с прекрасными стадиями или прекрасными ристалищами. Именно это слово (κολλιστοδίοι) в его буквальном понимании «становится совершенно ясным, конечно, при том непременно-

⁷⁰ Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешико. Ук. соч. С. 146. По всей вероятности, относительно данных о храме Ахилла произошла путаница с его храмом на Левке, где действительно остатки фундаментов были использованы для сооружения маяка в 1837–1843 гг. (см. с литературой): Тункина. Ук. соч. С. 404–408). Строительство же маяка на Тендре происходило раньше – в 1824–1827 гг. (там же, с. 461).

⁷¹ См. с литературой): Откупщиков Ю.В. О датировке трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966. С. 143.

⁷² Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С. 291.

⁷³ Толстой. Ук. соч. С. 11.

ном условии, если во времена Еврипида, да и раньше еще, разумеется, на Дроме, посвященном Ахиллу, действительно происходили обрядовые состязания в беге»⁷⁴.

Тем не менее по отдельным оговоркам в его рассуждениях заметно все же, что он не был абсолютно уверен в том, что это выражение прямо указывает на проведение агонев на Тендре в V в., а тем более в VI в. до н.э. Однако, подкрепив собственные взгляды сведениями из ольвийского декрета Никерата, сына Папия (IOSPE I². 34), в котором сказано о конных состязаниях в честь Ахилла, И.И. Толстой как будто окончательно убедился в том, что благодаря Дельфам, несомненно знавшим о старинном обычае состязаний на Ахилловом Дроме, ольвиополиты ввели новую торжественную форму его культа с ежегодным проведением священного обряда агона⁷⁵. Его взгляды были развиты в статье М.М. Кубланова, посвященной ольвийским агонистическим празднествам в честь Ахилла, в которой уже более уверенно доказывалось, что они устраивались в V в. до н.э. и носили такой же характер, как и знаменитые Олимпийские, Пифийские, Немейские, Истмийские, хотя и в меньших масштабах⁷⁶. Впоследствии в большинстве случаев выводы как И.И. Толстого, так и М.М. Кубланова доверчиво воспринимались теми учеными, кто так или иначе касался культа Ахилла и его празднеств с агонами⁷⁷.

Выделенному И.И. Толстым выражению Ἀχιλλῆος δρόμου κολλιστάδιου большое внимание уделено только в работах М.В. Скржинской в его разных трактовках: первоначально как Ахиллов Дром, обладающий прекрасными стадиями или «прекрасное для состязаний ристалище Ахилла», а в последнее время – «прекрасно размеченные стадиы» на Ахилловом Дроме или Ахиллов Дром «с прекрасно размеченными стадиями», т.е. дистанциями для бега⁷⁸. Такая интерпретация способствовала тому, что данное выражение стало неоспоримым свидетельством о том, что уже в V в. до н.э. ольвиополиты «устроили стадион» на Тендре, поскольку она «как нельзя лучше подходила для проведения таких состязаний, потому что греки соревновались, бегая по песку»; здесь же находились ипподром для конных ристаний и место для соревнований в стрельбе из лука, занимавшей почетное место наряду с традиционными видами атлетики. Допуская, что агоны на Ахилловом Дроме в основном повторяли состав состязаний на Пифийских играх и что они стали, согласно Еврипиду, широко известными в эллинском мире, М.В. Скржинская восстановила полную программу игр в честь Ахилла на Тендре, пересмотрев дату превращения местных праздников в панэгерия, во время проведения которой раз в несколько лет на протяжении нескольких дней объявлялось перемирие во всем Причерноморье

⁷⁴ Там же. С. 66.

⁷⁵ Там же. С. 67.

⁷⁶ Кубланов. Ук. соч. С. 222–231.

⁷⁷ Ср. *Лейпунська*. Ук. соч. С. 66–68; *Руслева*. Вопросы развития... С. 176, 180; *она же*. Земледельческие культы... С. 137–138; *она же*. Религия... С. 70, 76; *Курбатов*. Ук. соч. С. 30; *Скржинская М.В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 27–28; *она же*. Состязания на древнегреческих праздниках в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 2. С. 33; *Диатроптов*. Ук. соч. С. 16–17.

⁷⁸ *Скржинская*. Древнегреческий фольклор... С. 27; *она же*. Состязания... С. 33; *она же*. Игры на Ахилловом Дроме // BORYSTHENIKA. Николаев, 2004. С. 145.

рье⁷⁹. В общем создается впечатление, что реконструированные таким образом общегреческие спортивные и мусические состязания в честь Ахилла на Тендре были полностью заимствованы из Дельф и в определенной степени из других знаменитых святилищ, не зависели от местных природных условий и многих социально-экономических и политических процессов, происходивших как в Ольвии, так и во всем античном мире, особенно в греческих государствах Северного Причерноморья.

Вместе с этим нельзя игнорировать и то, что наряду с такими разными интерпретациями трех слов из «Ифигении в Тавриде» Еврипида, как будто уже ставшими достоверным источником о панэллинских агонах на Тендре, во всех стихотворных переводах этой трагедии и в комментариях к ним, а также в отдельных работах вышеупомянутый отрывок из песни вообще игнорируется при изучении культа Ахилла или же полностью и безоговорочно соотносится только с островом Левкой⁸⁰. Такое же сопоставление отмечено еще в комментарии анонимного автора схолий к «Андромахе»: «На белом берегу внутри: разумеется Белый остров, на котором пребывал Ахилл, посреди Евксинского Понта; отсюда и Ахилловы беги, о коих сказано в «Ифигении в Тавриде»» (Schol. in Eurip. Androm. = SC. I. P. 347). Аналогичным образом понимал так называемые «Ахилловы дромы» и анонимный комментатор отрывка из IV Немейской оды Пиндара (Nem. 4, 7c), в которой поэт восхвалял Ахилла, владычествующего на блистательном (светлосияющем) острове Левке. В рассуждениях схолиаста заслуживает внимания то, что он при разъяснении терминов, касающихся острова Левка, опирался не только на данные Пиндара, но хорошо знал трагедии Еврипида и соответствующие мифы об Ахилле: «Поэт прославляет весь род эгинетов, так как он существовал во многих местах⁸¹. Есть на Евксинском Понте не-

⁷⁹ См. подробнее: *она же*. Состязания... С. 30–33; *она же*. Игры... С. 144–149. Автор необоснованно считает, что И.И. Толстой (Ук. соч. С. 55–67) и А.С. Русяева (Религия... С. 70, 76) пытались реконструировать праздник Ахилла на основании ряда косвенных литературных и археологических источников, хотя никакие попытки для его восстановления в их работах не предпринимались. Следует также отметить, что по аналогии не только с программой агонев, но и названием игр в Дельфах (Пифии или Пифиады) М.В. Скржинская считает, что ольвийский праздник назывался Ахиллеями или Ахиллеадами (Состязания... С. 31–33; Игры... С. 146–147). Однако название праздника Ахиллеи было впервые приведено мною (Русяева. Земледельческие культы... С. 138; *она же*. Религия... С. 70) на основании граффито (ΤΑΧΙΛΛΕΙΑ) на фрагменте горла чернофигурного кратера первой четверти V в. до н.э. из Брезанского поселения, которое хранилось в коллекции очаковского врача и известного коллекционера С.Т. Страшного и о котором любезно сообщил П.О. Карышковский в 1971 г. К сожалению, все попытки получить его рисунок или фотографию для публикации, как и очень интересные находки из Бейкушского святилища Ахилла, оказались безуспешными. Название праздника Ахилла может быть сопоставимо не с Пифиями в Дельфах, а с наименованиями праздников по именам героев, например: Гераклии в дорийских полисах или Тесеи в Афинах.

⁸⁰ См., например, *Блаватский*. Ук. соч. С. 82; *Hedreen*. Op. cit. P. 320. Естественно, такое толкование не исключено, поскольку нельзя достоверно установить, насколько точно Еврипид ориентировался в понтийской топонимике и не путал ли он остров Левку с Дромом Ахилла. Можно лишь предполагать, что ко времени создания трагедии «Ифигения в Тавриде» он читал Геродота и действительно знал, где расположен Дром Ахилла.

⁸¹ Комментарий этого схолиаста дает повод отметить, что Пиндар действительно прославлял «весь род эгинетов», в особенности же Эакидов, первопродок которого Эак был сыном самого Зевса, а Ахилл – правнуком этого бога (*Pind. Olymp. 8; Pyth. 8; Nem. 3–5. 7; Istm. 5. 6*).

кий остров, называемый Белым, на который, по обычному представлению, перенесено Фетидой тело Ахилла; показывают и некие «беги» (δρομους) вследствие упражнений героя...» (Schol. Pind. Nem. D, 79 = SC. I. P. 332)⁸². Исходя из этого дополнения очевидно, что в античной литературной традиции существовали стойкие представления о том, что на своем острове Ахилл также упражнялся в беге, что не адекватно устройству ольвиополитами агонов в его честь, тем более на Тендре. Нельзя не вспомнить, что Пиндар в своих одах, помимо общегреческих олимпийских, пифийских, немейских и истмийских агонов, отметил около 30 менее известных состязаний, был хорошо осведомлен о победителях на них, очень часто прославлял Ахилла с его предками и мог бы знать о празднествах с агонами в его честь, если бы таковые действительно в то время проводились в каком-либо из регионов античной ойкумены. Мифографы и поэты упоминали лишь упражнения самого Ахилла, который согласно «Илиаде» традиционно превосходил всех героев в беге.

И все же, в отличие от древних и современных интерпретаторов, сопоставлявших рассматриваемый отрывок в целом только с Левкой или же искусственно разделявших его на две части с целью доказать проведение агонов на Тендре, представляется возможным и третий вариант его объяснения, а именно – полное сопоставление с Дромом Ахилла по заключенному в нем общему смыслу и в сочетании с главной идеей всей песни (Eurip. Iphig. Taur. 421–438), а также воспеваемой в трагедии Ифигении, бывшей невесты троянского героя. Во взаимосвязи со всем отмеченным важны два момента: неразрывность смыслового содержания всех выражений, в соответствии с чем в данном пассаже речь идет о земле со множеством птиц, белом берегу дромов Ахилла с прекрасными стадиями, которые представляли собой такую же опасность для мореплавателей, как и другие местности. В буквальном значении Еврипидом вовсе не указано название «Дром Ахилла», как у Геродота (IV. 55. 76) или у более поздних авторов (Strabo. VII. 3. 19; Plin. NH. IV. 83; Ptol. Geogr. III. 5. 7–8), а лишь его дромы, под которыми исходя из многозначности этого термина можно подразумевать разные слова, но во множественном числе: «бега», «пробежки», «пути», «дороги», «места для прогулок», что находится в противоречии с их толкованием в качестве конкретного топонима. Кроме упомянутого выше такого понимания этого термина в схолиях к «Андромахе» Еврипида и IV Немейской оде Пиндара, В.Д. Блаватский полагал, что во фрагментарно сохранившемся комментарии анонимного автора древних схолий к «Аргонавтике» Аполлония Родосского имеется указание на то, что Дионисий Ольвианский называл протяженные отлогие берега Ахилловыми дромами (Ἀχιλλέως δρόμους)⁸³. Не вдаваясь во все детали вопросов, связанных с гипотетической интерпретацией творчества и времени жизни Дионисия, следует обратить внимание на то, что Ахилловы дромы из схолий созвучны с рассмотренными выше из трагедии Еврипида. В ней нет конкретного названия топонима, но местность узнается благодаря описанию, сходному с этиологическими мифами, разъясняющими эллинам название «Ахиллов Дром»,

⁸² В комментариях М.Л. Гаспарова к IV Немейской оде дан несколько иной перевод этого отрывка: «На Евксинском Понте есть так называемый Белый остров, на который, говорят, унесла Фетида тело Ахилла; там показывают и беговую дорогу этого героя» (Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980. С. 440).

⁸³ Блаватский. Ук. соч. С. 81. По мнению В.Д. Блаватского, ольвийский географ жил в конце III–II в. до н.э., имел достаточно четкое представление о характере ландшафта Тендровской косы, на которой отметил одно из ристалищ Ахилла (там же, с. 87).

но более всего, видимо, с первым из них, поскольку трагедия посвящена той Ифигении, которую так и не догнал самый «быстроногий» из троянских героев. Выражение *καλλιστάδιοι* в сочетании с *δροπούς* поэтически усиливает их значение, что отнюдь не значит, что его следует понимать как на самом деле «прекрасно размеченные стади» на тендровских сыпучих песках.

По сравнению с возвышающимся над уровнем моря островом Левкой, Тендра издавна представляла собой очень опасную зону для мореплавателей⁸⁴. На пути в Таврику не остров Левка, а Дром Ахилла – последний самый длинный участок низко расположенной песчаной суши, который требовал их постоянного внимания, чтобы суда не оказались на мели. Кроме того, вряд ли применимы к скалисту маленькому островку выражения о земле и белом берегу с прекрасными стадиями⁸⁵. Выражение *Λευκή ὄκτι* имеет разные значения, тем более при сопоставлении с «Андромахой», где оно интерпретируется чаще всего как «белый утес», что даст все основания в совокупности с остальным содержанием отрывка безоговорочно относить его к острову Ахилла. Примечательно рационалистическое, но противоречивое противопоставление Левки и Ахиллова Дрома в комментарии к оде Пиндара, начало которого отмечено выше: «Поэтому и Пиндар металептически назвал Белый (остров) блестящим: ибо белое представляется блестящим. Белым же остров называется по множеству гнездящихся на нем птиц, именно цаплей, ибо такой вид (т.е. белый) представляет он плывущим. Иначе: так называемый Белый берег (*Λευκή ὄκτι*) на Евксинском Понте, на котором множество цаплей, виднеясь оттуда, указывает его мореплавателям. Он называется также Ахилловым Дромом...» (Schol. Pind. Nem. D, 79 = SC. I. P. 332). И эти рассуждения анонимного схолиаста, как и предыдущие об Ахилловых дромах, перекликаются со стихами Еврипида. При отождествлении с Тендрой сходного выражения в «Ифигении в Тавриде» главное также должно заключаться в общем смысле всей песни, белом берегу как самом опасном и последнем препятствии перед высадкой на таврическую землю. Следует думать, что уходящий в бесконечную даль, вымытый морскими водами белый песчаный берег Тендры вследствие своей огромной длины создавал впечатление прекрасных стадий, которые, по представлениям эллинов, мог преодолеть лишь Ахилл как в погоне за Ифигенией, так и упражняясь в беге во время отдыха в период Троянской войны.

После этой трагедии Еврипида, несмотря на то, что Ольвийский полис в IV – первой трети III в. до н.э. находился на этапе высочайшего экономического и культурного расцвета, никаких достоверных сведений о Дроме Ахилла, каких-либо агонах в честь этого героя-бога или о его святилище ни в античной литературной традиции, ни в эпиграфических источниках вплоть до I в. до н.э. не сохранилось. Лишь сугубо гипотетически можно считать, что в известном договоре между Милетом и Ольвией об исополитии 320-х годов до н.э., где указывалось, что каждый милетянин имеет право «принимать участие в состязаниях, возносить молитвы в поминальные дни на тех же основаниях, как он делает это в Милете» (Milet I. 3. 136), имелись в виду и агоны в честь Ахилла, а не только

⁸⁴ См. (с литературой): *Щеглов. Ук. соч.* С. 133.

⁸⁵ Псевдо-Скимн (820–821) определял Ахиллов Дром как длинный и узкий морской берег. В данном аспекте важно, что в средние века Тендра также называлась Белобережьем (Повесть временных лет. М.–Л., 1950. С. 37). В наше время Тендровский заповедник – известное место гнездовья и зимовки огромного количества различных птиц, чем, бесспорно, выделялась эта коса и в античную эпоху.

главных богов, прежде всего Аполлона Дельфиния, бывшего верховным покровителем и ольвийской метрополии⁸⁶. Если же на самом деле это соглашение, в котором столь четко прокламируются «отчие установления ольвиополитов и милетян», относится еще ко второй половине VI в. до н.э. и было вновь возобновлено вскоре после неудачной осады города Зопирионом⁸⁷, то, следовательно, агоны могли проводиться в Ольвии уже с позднеархаического времени. Однако на основании такого не конкретного указания об участии в агонах милетян вряд ли можно уверенно считать, что оно достоверно свидетельствует исключительно о панэллинских состязаниях в честь Ахилла на Тендре.

На многочисленных монетах Ольвии начиная с V в. до н.э. с периодически меняющимися изображениями разных божеств и их атрибутов только на самых поздних (ок. 193–196 гг. н.э.), очевидно, представлена культовая статуя Ахилла, а не Арея, в воинском снаряжении⁸⁸. При том, сколь высоко почитался ольвиополитами Ахилл на протяжении длительного периода и какая значительная роль в их политической и культурной жизни приписывается в настоящее время общегреческим агонам в его честь, удивительно то, что они не получили отражения на монетах. Лишь предположительно можно считать, что фигура коленопреклоненного лучника на отдельных типах второй половины IV – первой трети III в. до н.э. фиксирует победу ольвиополитов в стрельбе из лука на каких-то спортивных состязаниях⁸⁹. Однако их связь с Ахиллом на его Дроме была бы бесспорна в том случае, если бы на аверсе был представлен именно его образ, а не изображения голов Аполлона и женских божеств Деметры и Тихе (или Матери богов). С агонами можно сопоставить и ольвийскую фрагментированную

⁸⁶ Ср., например, *Жебелев С.А. Северное Причерноморье*. Л., 1953. С. 38; *Кубланов*. Ук. соч. 226; *Виноградов*. Ук. соч. С. 168–170. Проложенная во второй половине VI в. до н.э. между двумя городскими (Восточным и Западным) теменосами и окончательно замощенная бутом и черепками в первой половине V в. до н.э. широкая (10–11 м) дорога использовалась не только для ритуальных процессий, но и для устройства состязаний во время религиозно-календарных празднеств в честь почитаемых ольвиополитами божеств и обожествленных героев (*Русьева А.С. Исследования Западного теменоса в Ольвии // ВДИ. 1991. № 4. С. 123; Rusjaeva A.S. The Main Development of the Western Temenos of Olbia in the Pontos // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus, 2003. P. 93*).

⁸⁷ *Виноградов*. Ук. соч. С. 69–73, 168–170 (с литературой).

⁸⁸ *Карышковский П.О.* Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры*. Киев, 1986. С. 32. Дж. Хирст, ссылаясь на Б.В. Кене, рассмотрела три ольвийские монеты с фигурой Ахилла, из которых, по ее мнению, только одну, с метой, действительно можно относить к его изображениям (Ук. соч. С. 138). Однако как раз на эту монету никто из нумизматов, в том числе и П.О. Карышковский, не обратил внимания, по-видимому, потому что она не сохранилась или же не принадлежит ольвийской чеканке. Такого типа монета, если на самом деле на ней рядом с фигурой вооруженного воина представлена мета, относится к уникальным экземплярам и может свидетельствовать о проведении в Ольвии состязаний в честь Ахилла в конце II в. н.э., когда город находился под защитой римских легионеров.

⁸⁹ Монеты не имеют однозначной датировки. П.О. Карышковский относит их к концу IV – первой половине III в. до н.э. (Монеты Ольвии. С. 68, 83, 105); В.А. Анохин датирует монеты с Тихе и Деметрой приблизительно 360–350 гг., а с головой Аполлона – 270–260 гг. до н.э. (*Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 1989. С. 30–31, № 59–69, 232–236). На поселениях ольвийской хоры наряду с многочисленными «борисфенами», которые тоже датируются по-разному, встречаются в основном монеты с изображением головы Деметры и лучника (*Карышковский*. Монеты Ольвии, С. 85).

надпись второй половины IV в. до н.э. о славном Анаксагоре, сыне Демагора, пустившем стрелу на 282 оргии (ок. 540 м) и таким образом достигшем победы в стрельбе из лука (IOSPE I². 195). Но, к сожалению, она тоже не является достоверным документом о такого рода состязаниях только лишь на Ахилловом Дrome, а не в самой Ольвии или в других городах⁹⁰.

Достигнув самого высокого экономического и культурного подъема в раннеэллинистическое время, ольвиополиты, согласно эпиграфическим и нумизматическим материалам, наибольшее внимание стали уделять почитанию Ахилла на острове Левке, где построили второй храм и поставили памятники своим гражданам как защитникам и благодетелям этого святилища⁹¹. Но с утратой своего влияния и переходом острова в зависимость от Рима во II в. до н.э. они, возможно, впервые обратили более пристальное внимание на Ахиллов Дром, исконно связанный с именем обоженного ими героя. Ведь действительно, как отмечено выше, эта местность по сравнению с Левкой не была популярной в древности и всегда играла второстепенную роль в почитании Ахилла, что подтверждается всей совокупностью литературных и археологических источников⁹².

Особое значение при рассмотрении агоней на Теидре придавалось в науке декрету в честь Никерата, сына Палия, – единственному письменному источнику о проведении конных состязаний в Ольвии (IOSPE I². 34)⁹³. Исходя из разных датировок в работах исследователей его следует датировать первой четвертью II – первой четвертью I в. до н.э. В предложенной И.И. Толстым интерпретации этого декрета как связанного с агонами в честь Ахилла ключевыми представляются следующие положения: «В I в. до н.э. в Ольвии ежегодно происходили посвященные Ахиллу конские состязания», учрежденные по совету Пифии в неизвестно какое время; Дельфы, знавшие о старинном обычае состязаний на Ахилловом Дrome, после каких-то чрезвычайных обстоятельств, «могли указать ольвиополитам на необходимость учреждения новой торжественной формы культа Ахилла, советуя им установить в его честь ежегодный, из года в год повторяющийся, священный обряд агона», перенесенный в дополненном или видоизмененном виде в Ольвию из знаменитого Дрома⁹⁴; защита Никератом ольвийских граждан, идущих «толпами в Гилею, в местность за Борисфеном, недалеко от Дрома Ахилла», которая, согласно Латышеву, «в начале I в. до н.э.

⁹⁰ Ср. Штерн Э.Р. фон. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России // ЗООИД. 1901. 23. С. 13–14; Кубланов. Ук. соч. С. 226; Скржинская. Состязания... С. 33; она же. Агоны... С. 145. По современным природным условиям и ландшафту Тендра менее всего подходила для проведения агоней не только конных, но также в беге и в стрельбе из лука в цель или на дальность полета стрелы.

⁹¹ См. (с литературой): Виноградов. Ук. соч. С. 164–168; Охотников, Островерхов. Ук. соч. С. 23–27; Русяева. О храме Ахилла... С. 177–190.

⁹² Ср. Ростовцев. Ук. соч. С. 187; Блаватский. Ук. соч. С. 82.

⁹³ Первыми десятилетиями I в. до н.э. датировали декрет Латышев (IOSPE I². 34), Толстой (Ук. соч. С. 67), Кубланов (Ук. соч. С. 227), Лейпунская (Ук. соч. С. 71), Курбатов (Ук. соч. С. 87) и др.; к последним десятилетиям II в. до н.э. относили его М.И. Ростовцев (*Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxf.*, 1941. P. 766) и Я. Харматта (*Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged*, 1970. P. 21). На основании критического анализа основных датировок этой надписи, с учетом ее языковых особенностей, новейших разработок ольвийской палеографии и исторических событий Ю.Г. Виноградов предложил более раннюю ее датировку – первые два десятилетия II в. до н.э. (Ук. соч. С. 183–188 с литературой).

⁹⁴ Толстой. Ук. соч. С. 67.

входила в состав владений ольвиополитов»; присуждение погибшему Никерату венка на конных ристаниях и соседство Гилеи с Дромом Ахилла дали основание для предположения и вместе с тем утверждения, что они происходили «именно в окрестностях Гилеи»⁹⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что сначала И.И. Толстой был уверен в том, что упомянутые в декрете конные состязания проводились в Ольвии, а затем, после более детального его рассмотрения, пришел к противоположному мнению. Поддерживая этот вывод, М.М. Кубланов уверенно считал, что Гилея – традиционное место отправления культа и гипотеза И.И. Толстого о гибели Никерата во время священных агонистических празднеств вполне убедительна; там он защищал святилище, статуи и другие реликвии⁹⁶. В дальнейшем, опираясь на эти толкования, другие ученые кратко указывали, что в декрете в честь Никерата засвидетельствованы конные состязания в честь Ахилла в Гилее, реже их ошибочно помещали даже на Тендре⁹⁷.

В настоящее время имеются достаточные основания предполагать, что Никерат сопровождал ольвиополитов в Гилею не на празднества Ахилла, а по иной причине. Отдельные факты из декрета в его честь синхронны переселению небольших групп жителей как из ближней округи Ольвии, так, по-видимому, и из самого города в Нижнее Поднепровье⁹⁸, где в начале II в. до н.э. по обоим берегам Борисфена возникло много городищ с ярко выраженными эллинскими чертами в оборонительной системе, домостроительстве, материальной культуре и способах ведения хозяйства⁹⁹. Примечательно, что уже Латышев на основании рассматриваемого декрета резонно отмечал, что Гилея входила в состав владений ольвиополитов в начале I в. до н.э. (IOSPE I². 34). К его мнению можно добавить новые археологические данные о том, что владения ольвиополитов появились здесь на столетие раньше. Поэтому в данном декрете зафиксирована одна из таких переправ ольвиополитов на новое место жительства или же в других целях, не имевших отношения к религиозным обрядам.

Общеизвестно, что ольвийская дальняя хора в Нижнем Побужье в начале I в. до н.э. уже не существовала, в Ольвии многие дома опустели, в упадке находились теменосы и общественные сооружения. Как бы то ни было, но при всех возможных допущениях увенчание Никерата не только на Народном собрании ольвийских граждан, но и на собрании зрителей перед началом состязания в беге на конях в честь Ахилла, согласно предсказанию Пифийского Аполлона (IOSPE I². 34, сткк. 29–30), отнюдь не может служить достоверным фактом их проведения в Гилее, а тем более на Тендре. Очевидно, сам Никерат в свое время

⁹⁵ Там же. С. 78–81. Кроме того, И.И. Толстой считал, что «ежегодно, в определенный день, цли толпы ольвийских граждан в Гилею на священные состязания, и последний подвиг Никерата и заключался в том, что он спас ценою собственной жизни ту процессию граждан, которая шла на священные игры Ахилла», и поэтому должен был награждаться на них почетным венком (там же, с. 81).

⁹⁶ Кубланов. Ук. соч. С. 228–229.

⁹⁷ Ср., например, *Лейпунська*. Ук. соч. С. 71; *Bravo B. Une lettre sur plomb de Berezan: colonisation et modes de contact dans le Pont // DHA. 1974. I. P. 143; Курбатов*. Ук. соч. С. 87; *Виноградов*. Ук. соч. С. 187; *Hedreen*. Op. cit. P. 319; *Скржинская*. Состязания... С. 30–31; *Руслева А.С., Супруненко Б.А.* Исторические личности эллиноскифской эпохи. Киев–Комсомольск, 2003. С. 185, 187.

⁹⁸ О локализации Гилеи см. разные точки зрения: *Доватур, Каллистов, Шишова*. Ук. соч. С. 232–233. Скорее всего, ольвиополиты имсновали Гилеей обширную область в Нижнем Поднепровье вместе с Кинбурнским полуостровом.

⁹⁹ *Гаврилюк, Крапивина*. Ук. соч. С. 68–69.

был победителем или организатором скачек в Ольвии, что стало главным стимулом и для посмертного награждения его конной статуей.

Обрисованное в декрете печальное положение Ольвии вследствие неприятельских нападений вряд ли способствовало тому, что ольвиополиты легкомысленно стали бы устраивать календарно-религиозные празднества с агонами вдали от Ольвии, подвергая опасностям и себя, и приглашенных участников из других городов. Периодичность их проведения и время обращения в дельфийское святилище достоверно нельзя выяснить из-за отсутствия других источников. Единственные в своем роде два типа мелких медных монет (халков) с изображением треножника – дельфина между шапками Диоскуров и головы Аполлона – горита между звездами, которые могли быть выпущены по случаю удачного посещения ольвийскими послами дельфийского святилища и благожелательного прорицания Пифийского Аполлона, относятся к первым десятилетиям I в. до н.э.¹⁰⁰ Однако никто не попытался сопоставить эти символические изображения со сведениями о конных агонах в честь Ахилла в декрете Никерата, который, по датировке Латышева, синхронен чеканке этих редких монет. Учитывая относительную хронологию как монет, так и надписей, не исключено, что в Ольвии действительно были выпущены монеты в ознаменование обращения ее граждан в дельфийское святилище за оракулом в один из наиболее критических периодов в истории их города. Возможно, к более обширному прорицанию прилагался и совет об учреждении конных агонев в честь Ахилла, которые упоминаются в декрете в честь Никерата. При всех предложенных датировках ясно, что таковые могли проводиться на протяжении короткого времени, так как примерно со второй половины II в. до н.э. Ольвия, будучи номинально автономной, находилась в экономической зависимости от скифского царя Скилура, а затем под властью понтийского царя Митридата VI Евпатора, пока, наконец, не была совсем разгромлена гетами около середины I в. до н.э.¹⁰¹ Возможно, такая нестабильная обстановка с уходом жителей в более безопасные места и стала главной причиной того, что в памяти ольвиополитов не сохранилось воспоминаний о каких-либо спортивных или мусических агонах в честь Ахилла.

Ведь Дион Хрисостом, побывавший в Ольвии в конце I в. н.э. и рассказавший об удивительной любви ольвиополитов к «Илиаде» Гомера и прославленному им Ахиллу, которому они воздвигли один храм на острове, а другой – в своем городе, вообще не упомянул Ахиллов Дром, хотя описал лиман, мыс Гипполая и берега при подходе к городу (Ogat. XXXI). Такое странное умолчание может указывать лишь на то, что во второй половине I в. до н.э. – I в. н.э. (после гетского нашествия и в период медленного возрождения города, постоянно подвергавшегося нападениям и угрозам со стороны различных варварских племен) ольвиополиты не посещали святилище Ахилла на Тендрс и не проводили панэллинские агоны в его честь. Позволительно в этом случае думать, что если бы панэгерии устраивались на этой косе или в другом месте в окрестностях Ольвии, то вряд ли в памяти ольвиополитов не сохранилось бы никаких сведений о

¹⁰⁰ Ср. Карышковский. Монеты Ольвии. С. 103; Анохин. Ук. соч. С. 55. По мнению Анохина, к выпуску этих монет, возможно, имели отношение храмы Аполлона Дельфиния и Аполлона Иетроса. Поскольку достоверно не известно, что именно их храмы в канун гетского нашествия еще стояли соответственно на Восточном и Западном теменосах, то можно предполагать, что инициатива выпуска таких монет принадлежала жрецам святилищ Аполлона Дельфиния и Диоскуров, в которых в это время функционировали алтари.

¹⁰¹ См. подробнее: Виноградов. Ук. соч. С. 228–272.

них. Ольвийские старейшины, с гордостью рассказывая вифинскому ритору о своем знании «Илиады», почитании Ахилла и едва ли не обожествлении Гомера, как ни странно, не вспомнили о таком особом его возвеличивании, как празднества с агонами. Очевидно, на протяжении более полутора столетий в Ольвии не проводились даже местные состязания вследствие тяжелейшего экономического положения, вызванного постоянными набегами и угрозами варваров.

Первые достоверные свидетельства о гимнастических агонах в честь Ахилла зафиксированы в надписях II в. н.э. Видимо, на государственном уровне они стали наиболее популярными в период политической стабилизации и возросшего благосостояния граждан, когда наивысшего расцвета достиг культ Ахилла, сам Ахилл был возведен в ранг обожествленного героя и достиг значения верховного бога – защитника Ольвийского государства в ипостаси Понтарха¹⁰². Посвящения богу делались ежегодно преимущественно от имени архонтов, под чьим покровительством находился его культ, реже – стратегов, агораномов и жрецов после исполнения срока их должностей. А посвячительные плиты устанавливались в разных местах на ольвийских землях, но только в западном направлении от города¹⁰³. Имена магистратов – победителей в отдельных видах спорта зафиксированы в нескольких посвячительных надписях Ахиллу Понтарху, но ни одно из них не обнаружено ни на Тендре, ни на восточных землях ольвийской сельской округи. Это как будто указывает на то, что с этой эпиклезой он там не почитался, а состязания на его празднествах устраивались в других, лучше защищенных местностях, в частности на Березани. Там найдено много посвящений II в. н.э., в том числе и с текстом гимна, автор которого воспел «равного бессмертным Ахилла Эакида» в его знаменитом островном обиталище. Вероятно, автор сам был победителем в мусических состязаниях¹⁰⁴.

Кроме того, следует отметить, что в посвячительных надписях Ахиллу Понтарху отмечается победа только в беге, прыжках, рукопашной борьбе, метании диска и копья, а не в конных агонах и стрельбе из лука (IOSPE I². 130, 138, 155–158). Большинство таких видов состязаний, проведенных Ахиллом у могилы Патрокла в период Троянской войны, описано в «Илиаде» (XXIII. 651–797, 830–849). По сведениям Диона Хрисостома, ольвиополиты «усердно читают» Гомера и «Илиаду» почти все знают наизусть (Orat. XXXVI). Поэтому игры в честь Патрокла могли служить образцом, как и в каких видах спорта устраивать их и в честь самого Ахилла, поскольку именно он был их учредителем и организатором, главным судьей и дарителем справедливых наград победителям и побежденным. Однако в ольвийских эпиграфических памятниках вообще не отмечены какие-либо конные состязания, жестокий агон копьеборцев в доспехах и стрельба из лука в цель, наподобие устроенных Ахиллом у могилы Патрокла (Ном. II. XXIII. 263–614, 798–826, 850–883). Поэтому есть основания предполагать, что в Ольвии и на празднествах Ахилла предпочитали состязания в более

¹⁰² См. (с литературой): Русяева. Религия... С. 70–83.

¹⁰³ Она же. Вопросы развития... С. 179–181; она же. Земледельческие культы... С. 138–139; Отрешко В.М. Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 81–83; Карышковский П.О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1993. № 1. С. 73–96; Шелов-Коведяев Ф.В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3. С. 49–62.

¹⁰⁴ Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 49–62; Русяева. Религия и культы... С. 80–81.

легких и доступных видах спорта, которым юноши обучались в гимнасии, и где традиционно тоже проводились агоны, в состав которых входил весь пентатл.

Нельзя категорически утверждать, что Ахиллов Дром был составной частью Ольвийского государства, хотя в период относительного расцвета святилища во II в. н.э. его граждане, возможно, чаще совершали здесь обряды, чем раньше¹⁰⁵. Тем не менее, судя по количеству монет и надписей, преимущество явно было на стороне боспорских моряков, которые посещали его в это время по пути в Ольвию и другие понтийские города. Нет пока никаких данных и о том, что именно ольвиополитам, а не проплывавшим мимо морякам принадлежит идея устройства святилища Ахилла на северо-восточной оконечности Тендры, где находилась якорная стоянка и можно было найти более безопасное место во время штормов и непогоды.

THE SANCTUARY OF ACHILLEUS ON THE TENDRA IN THE CONTEXT OF HISTORY AND RELIGION OF OLBIA PONTICA

A. S. Rusyayeva

Analysing various sources and their objective interpretations in the context of history and religion of Olbia, the author reconsiders the earlier views (including her own) on the Sanctuary of Achilleus and pan-Hellenic competitions in his honour on the Tendra (the Dromos of Achilleus). The desert spit was probably mythologized in connection with Achilleus during the Greek colonization of the lower reaches of the Bug; but foundation of his sanctuary on the Cape of Tendra in archaic a period of the Hellenes in this region can only be a hypothesis. Numismatic and archaeological materials from the ashill, which coincides with the literary data, provide evidence on the Sanctuary of Achilleus which was functioning there since the late 4th c. BC – until the third quarter of the 4th c. AD. The absence of evidence (even indirect) of pan-Hellenic, Pontic or even local Olbian competitions in honour of Achilleus makes impossible the proposal of such competitions to be ever held on the sand of the Tendra, especially on the pattern of the Pythian Games or other famous games of the ancient world. In antiquity the Tendra was an uninhabited peninsula, dangerous for the seamen and not unsuitable, because of landscape and nature, for sports, especially for chariot races. According to the epigraphic data, the inhabitants of Olbia held sporting and musical competitions irregularly, obviously, only in peace-time, in their city or near it, in the more convenient places. The competitions were most popular in the 2nd c. AD, when the role of Achilleus Pontarchos as the supreme deity of the Olbian state acquired great importance.

¹⁰⁵ Тендра не представлена на археологических картах в исследованиях античных поселений Нижнего Побужья и сельской округи Ольвии, поскольку на ее территории не обнаружено следов проживания эллинов и она, вероятно, оставалась постоянно в пограничной зоне Ольвийского государства, не имея для него экономического значения (см. Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко. Ук. соч. Рис. 2, 3, 34, 35, 56, 57; Крыжицкий, Буйских, Отрешко. Ук. соч. Рис. 1–4, 9, 14).